

Александр Полунов

ПРАВОСЛАВИЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ. 1914–1918

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ
И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ¹

УДК

The article is focused on the evolution of the traditional concepts of Russian public consciousness ("Moscow the third Rome", Slavic brotherhood, liberating mission of Russia etc.) in the years of the First World War. Public reaction to the key events of the war is investigated, such as the Russian occupation of Galicia and the decision of the Entente powers to hand over Constantinople to Russia after the war. The elements of eschatology and messianism which were characteristic of the Russian consciousness, clashed with the ecclesiastical and political realities of Europe and Near East.

Ключевые слова: идеология; эсхатология; мессианизм; церковь и общество; православие; славяне; Константинополь; Галиция; «Москва – третий Рим».

Key words: ideology; eschatology; messianism; Church and society; Orthodoxy; the Slavs; Constantinople; Galicia; Moscow the Third Rome.

E-mail: polunov@spa.msu.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №12-01-00183.

Важнейшей особенностью I мировой войны, глубоко повлиявшей на историческое развитие России и других стран мира, была беспрецедентная степень идеологизации этого международного конфликта. В 1914–1918 годах в ожесточенной борьбе сталкивались не только массы вооруженных людей, но и идеи, политические лозунги, программы послевоенного переустройства мира. В ходе конфликта между центрально-европейскими державами и странами Антанты были опробованы многие механизмы воздействия на массовое сознание, борьбы за общественное мнение воюющих и нейтральных государств – механизмы, которые впоследствии будут широко использоваться различными политическими режимами в XX веке. Самым непосредственным образом указанные процессы отразились на развитии общественной мысли, духовной и идейно-политической жизни в России.

Одной из проблем, которая в 1914–1917 гг. активно обсуждалась русским обществом, был вопрос о международной роли православия и изменениях в этой сфере, которые должны последовать после завершения войны. Острота дискуссий по данному вопросу во многом объяснялась тем, что сам ход военных действий не раз создавал ситуации, напоминавшие обществу о чрезвычайно значимых для русской исторической традиции культурно-теологических концепциях, воскрешал мифологемы, глубоко укорененные в общественном сознании. Особый резонанс вызвало вступление русских войск в Галицию (сентябрь 1914 г.), операции вооруженных сил Антанты в районе Константинополя и начало активного обсуждения вопроса о передаче бывшей столицы Византийской империи России в случае победы над Турцией (март–апрель 1915 г.).² Каждое из этих событий побуждало экспертов, политиков и публицистов выстраивать масштабные историософские прожекты, вбиравшие в себя традиционные представления о международной роли православия и нередко подвергавшие эти представления причудливой трансформации. Анализ данных концепций чрезвычайно важен для понимания той эволюции, которую претерпевало общественное сознание накануне крушения «старого порядка» в России.

² Решение о передаче Константинополя России после войны, принятое весной 1915 г., было обнародовано лишь в ноябре 1916 г. Однако перспектива включения в состав империи бывшей столицы Византии активно обсуждалась и ранее. (См.: Шацлло В.К. Первая мировая война 1914–1918 : факты, документы. М., 2003. С. 107. Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – начало 1917 г. М., 1989. С.276).

Изучение дискуссий по вопросу о международной роли православия представляет интерес и с другой точки зрения. Сам характер обсуждаемых проблем неизбежно предполагал вовлечение в дебаты не только светских, но и церковных экспертов и публицистов, представителей иерархии. Анализ откликов на вступление русских войск в Галицию и перспективу присоединения Константинополя выявляет чрезвычайно интересную особенность русского общественного сознания начала XX века. Между светскими кругами и церковью зачастую не было единства в оценке этих событий, т.е. церковь и в этот период, после многих десятилетий секуляризации, сохраняла особую позицию в оценке важных общественных проблем. Каково же было отношение церковных и светских кругов к перспективе изменения международного положения православия? Какие концепции, программы, планы действий выдвигались в этой сфере? Как повлияло обсуждение данной темы на эволюцию российского общественного сознания в 1914–1918 годы?

ПОД ЗНАКОМ ЭСХАТОЛОГИИ

Отвечая на эти вопросы, нужно в первую очередь отметить, что обсуждению церковно-политических вопросов с самого начала был задан весьма напряженный, «приподнятый» тон, ибо вступление России в войну воспринималось в глубоко эсхатологических и даже мессианских тонах. Подобная особенность была характерна как для светского, так и для церковного сознания. «Разыгравшиеся на наших глазах события, каковых еще земля наша не видела, – писал автор столичного журнала «Церковный вестник», – потрясли весь мир в самых его основах и взволновали душу нашу до самой ее глубины. Приближается "день он", когда многие темные дела, тяготевшие над миром целые столетия, должны обнажиться, многие, считавшиеся неприкосновенными аксиомы человеческой философии должны рушиться и во всей полноте предстать на судилище истории»³.

Война, по мнению церковных публицистов, призвана была способствовать разрешению болезненных проблем православного мира – примирить Сербию и Болгарию, враждовавших друг с другом с 1880-х годов, прекратить «болгарскую схизму» – отпадение болгарской паствы и иерархии от греческого константинопольского патриархата. Однако

³ *Римо-порабощенное православие // Церковный вестник (далее – ЦВ). 1915. №29–30. Стб.889.*

только этой сферой значение международного конфликта не ограничивалось. Ставился вопрос ни много ни мало как об объединении ветвей христианства. «Если самые различные христианские народы, – рассуждал «Церковный вестник», – сумели объединиться во имя высших начал права и справедливости (как понимается почти всеми идейный смысл войны), то почему не достигнуть им единения и на почве христианского общения?»⁴ Боевые действия, которые вели Россия и ее союзники против Германии и особенно против Османской империи, расценивались как «последний, Пятый крестовый поход», результатом которого, в частности, станет переход Святой земли под власть «русского богоносного и крестоносного народа»⁵. Высказывались и предположения о том, что обстановка тотальной борьбы «славизма» с «германизмом», увенчавшая их многовековое противостояние, будет способствовать торжеству православия над католицизмом и обращению славян-католиков в православие⁶.

Свойства, которые, по мнению церковных и светских публицистов, были исторически присущи России – готовность к самопожертвованию, самоотречение, бескорыстная защита слабых и угнетенных, – ярче всего проявились именно с началом I мировой войны. Развивая тезис об искомном отличии (в силу указанных свойств) России от Запада, публицисты охотно ссылались на наследие славянофилов, Ф.М.Достоевского, В.С.Соловьева и Л.Н.Толстого, солидаризуясь с идеями русской религиозно-философской мысли рубежа XIX–XX вв. «Защита слабых и восхождение малых народов, поглощенных сильными, – такова историческая задача, волею судеб навязанная России, – писал Е.Н.Трубецкой в журнале «Русская мысль». – Каждый русский человек, образованный и простолюдин, понимает и сознает, что мы боремся за освобождение

⁴ Близок час // ЦВ. 1915. №9. Стб.264. – Отметим, что в течение войны «Церковный вестник» регулярно публиковал материалы о западных конфессиях (прежде всего, об англиканстве), отслеживая все явления в их жизни, которые можно было истолковать, как тяготение к православию (См.: *Летопись церковной и общественной жизни за границей* // ЦВ. 1915. №3. Стб.90–91; №20. Стб.612; №35. Стб.1075).

⁵ Из материалов заседания Православного Палестинского общества, посвященного вопросу «о положении Русского дела в Святой земле по окончании Мировой войны (февраль 1917 г.)» (Цит. по: Лисовой Н.Н. *Русская церковь и патриархаты Востока: три церковно-политические утопии XX века* // *Религии мира. История и современность*. 2002. М., 2002. С.149).

⁶ И.П. Истинный смысл Гусова учения и деятельности // ЦВ. 1915. №26. Стб.794.

всех народов вообще, всех тех, кому угрожает поглощение и угнетение, без различия племени и вероисповедания».

«Угнетение чужой народности, – утверждал Трубецкой, – стеснение ее духовно-национальной свободы во имя отвлеченного и по существу своему жестокого начала государственности – противоречит нашей христианской совести, нашему историческому и, верим, христианскому призванию»⁷. Как же в рамках подобных установок интерпретировалось свершившееся (пусть временно) присоединение Галиции к России и возможное включение в ее состав Константинополя?

Е.Н.Трубецкой

МИФ О ЦАРЬГРАДЕ

Говоря о втором из предстоящих территориальных приобретений Российской империи, необходимо, разумеется, отметить ту поистине колоссальную роль, которую «миф о Царьграде» играл в русском общественном сознании на протяжении столетий. Неудивительно поэтому, что перспектива присоединения к России бывшей столицы василевсов вызвала чрезвычайно бурную реакцию в общественных кругах. Именно это событие заставляло церковных и светских публицистов верить, что приближается «полнота времен», «настает время, все освещающее». Раздалось, восклицал известный профессор-византист И.И.Соколов, «новое благовестие совершающейся великой

⁷ Цит. по: К вопросу о национальном начале // ЦВ. 1915. №11–12. Стб.336. – Отраженные в статье Трубецкого идеи, разумеется, не были достоянием только церковных кругов и религиозно-философской мысли. Они тесно соприкасались с тезисами официальной пропаганды, делавшей акцент на бескорыстной освободительной миссии России, ее кровном и вероисповедном родстве с зарубежными славянскими народами (См.: Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С.124–125; von Hagen M. War in a European Borderlands: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918. Seattle; London, 2007. P.20–23, 49).

Европейской войны – победная песнь христоролюбивого русского воинства». «Необъятно, – подчеркивал профессор, – значение этого благовестия, восторженна и непобедима сила русского воинственного клича... В них – исполнение заветной мечты русского православного народа, осуществление тайных вздыханий для всего церковного нашего общества, завершение векового завета всей прежней истории дорогого нашего Отечества, разрешение "восточного вопроса" в подлинном его понимании лучшими носителями и выразителями начал русской самобытной культуры и национальной государственности»⁸.

Включение Константинополя в состав Российской империи, возвращение его христианской державе расценивалось не только как восстановление исторической справедливости и путь к решению военно-стратегических проблем России, но и как мера, которая должна была иметь большое культурно-историческое значение. «Проливы нам нужны и как пути духовного сообщения, открывающие нам возможность войти в особо тесное общение с нашей старой духовной родиной – древней Элладой», – писал известный философ В.Ф.Эрн.

В.Ф.Эрн

Территориальное сближение России с миром греческой культуры должно было, по мнению публициста, помочь русской мысли сбросить оковы «наносной немецкой схоластики», вернуться к наследию патристики, философии Платона и обрести благодаря этому подлинную оригинальность⁹. Наконец, неизбежным после присоединения Константинополя становилось и возрождение в России канонических основ церковной жизни, восстановление соборности и патриаршества, к чему

⁸ Соколов И.И. Константинополь, Палестина и русская церковь // *Религии мира*. 2002. С. 156, 158. – Помимо трудов по византистике, Соколов был известен исследованиями по истории греческой церкви в послевизантийский период, являлся членом совета Православного Палестинского общества, редактором его «Сообщений». Цитируемый доклад был подготовлен Соколовым для Министерства иностранных дел по поручению Синода в апреле 1915 г. Основная часть доклада была опубликована в «Церковном вестнике» (ЦВ. 1915. №37. Стб.1120–1121; 1916. №8. Стб.205–209; 1917. №5–6. Стб.109–113).

⁹ Мнения и отзывы // ЦВ. 1915. №14. Стб.412.

русского царя призывало историческое преемство миссии, унаследованной от византийских василевсов¹⁰. «Присоединение проливов», имевшее в глазах светской общественности главным образом военно-стратегическое и экономическое значение, расценивалось в церковных кругах как важнейший символический акт, основа для далеко идущих изменений в церковном укладе и духовной жизни России. Не менее «многослойным» и зачастую противоречивым было восприятие в церковных кругах еще одного важного события I мировой войны – вступления русских войск в Галицию.

**«ЗЕМЛЯ СТРАДАНИЯ»
И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ
МИССИЯ РОССИИ**

Уступая по значению «царьградскому мифу», «галицийский» комплекс идей и образов занимал тем не менее весьма заметное место в русском общественном сознании, отсчитывая

начало своего развития как минимум с первых десятилетий XIX века. Древний удел князей Романа, Даниила и Льва расценивался как исконное достояние русских царей – преемников Рюриковичей; как территория, чье население в этническом, языковом и культурном смысле близко к великороссам (или даже составляет с ними единое целое); наконец, как «земля страдания», переживающая тяжелые притеснения со стороны австрийского правительства и польских элит. «С той поры, как Галичина – эта первобытная часть русской земли – отрезана была от своего целого и присоединена к Австрии – с той поры почти полтора столетия ждал русский народ, когда придут к нему в непосредственное единение, в одно нераздельное общение закордонные галицкие братья», – провозглашалось в отчете Галицко-русского благотворительного общества, влиятельной столичной организации, в руководство которой входили многие иерархи церкви, общественные и государственные деятели¹¹. После присоединения к России галичане, заявлял на одном из торжеств общества министр народного просвещения П.Н.Игнатьев, «могут смело черпать из громадной сокровищницы русской культуры, собранной в

¹⁰ Соколов И.И. Указ. соч. С.193.

¹¹ Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1914–1915 гг. Пг., 1915. С.10–11. – Почетными членами общества в разное время были такие видные представители церкви и государства, как протоиерей И.И.Сергиев (Иоанн Кронштадтский), архиепископы Антоний (Храповицкий), Тихон (Беллавин), Евлогий (Георгиевский), обер-прокурор Св. Синода В.К.Саблер.

продолжение тысячелетий совместными усилиями Великой, Малой, Белой и Червоной Руси»¹². В целом риторика этнического, культурного и языкового единства Галиции и «Державной Руси» была характерна как для светских общественных деятелей, так и для представителей церковных кругов, однако в высказываниях и деятельности последних значительную (и зачастую ведущую) роль играл также религиозный фактор.

Если в языковом и культурном плане Галиция, по мнению значительной части русского общества, должна была сблизиться или слиться с Россией, то в религиозном плане этому движению должен был соответствовать переход (или «возвращение») галичан в православие – их разрыв с униатской церковью, господствовавшей в крае с XVIII века. «С той поры, – провозглашалось в отчете Галицко-русского общества, – как уния хищнически отторгла Галичину от Православной Церкви, русский православный народ двести лет ждал, когда рассеется этот, навешанный с Запада религиозный туман и те, предки коих мужественно отстаивали чистоту веры отцов своих, опять будут с нами "едиными усты и единым сердцем" славить Бога»¹³. Неудивительно поэтому, что связанные с Галицко-русским обществом иерархи и в целом достаточно широкие церковные круги после вступления русских войск в Галицию стремились всячески подчеркивать массовое тяготение галичан к православию, их стремление к разрыву с унией и даже упрекали русскую оккупационную администрацию за недостаточно активную поддержку этого движения¹⁴.

¹² *Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества. С.41.*

¹³ *Там же. С.11.*

¹⁴ *Вопрос о реальной степени тяготения галичан к православию остается спорным. По данным церковной журналистики и официальных властей, за первые два месяца оккупации в Галиции к православию присоединилось около 30 тыс. чел. Всего за 9 месяцев оккупации было образовано около 100 православных приходов, что составляло небольшую цифру относительно общей численности униатского населения – 3,5 млн. чел. (Бахтурина А.Ю. Указ. соч. С.193–194, 202). В то же время активисты Галицко-русского общества и церковные власти постоянно сообщали о готовности галичан перейти в православие, о требованиях прислать им православных священников (Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С.234–235, 242; Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества. С.22, 29–30, 49–51). Очевидно, при оценке количества присоединившихся к православию (или тяготевших к нему) следует ориентироваться на число галичан, ушедших весной 1915 г. с русскими войсками; их насчитывалось около 100 тыс. Еще до 40 тыс. осталось в Галиции и подверглось репрессиям со стороны*

В целом I мировая война (и не только на территории Галиции) рассматривалась, несмотря на свой очевидно светский характер, как конфликт, имеющий явные религиозные измерения. Делались попытки осмыслить ее в терминах глобального (и во многом решающего) столкновения православия и католицизма, неразрывно связанных со славянской и германской «стихиями». «И поляки, и чехи, и хорваты, – утверждала газета «Раннее утро», – все наши братья погибли от католицизма. Принадлежа по расе своей к Востоку, к славянству, они по вере входили в орбиту западной государственности. И она поглотила их. За крестом католическим приходил молох немецкой власти! Оттого-то ни одна попытка славянского возрождения на Западе не удалась»¹⁵. Особенно настойчиво рассуждения о необходимости для западных славян присоединиться к православию звучали в связи с 500-летней годовщиной гибели Яна Гуса (июнь 1915 г.), широко отмеченной в России. «Будем надеяться, – писал в связи с этим «Церковный вестник», – что после нынешних испытаний мировой борьбы славизма с германизмом старые заветные стремления гуситов к православному Востоку найдут живой отклик в сердцах современных их потомков»¹⁶.

Возвращаясь к Галиции, необходимо отметить, что основные события, связанные со вступлением русских войск на эту территорию, естественно, осмысливались церковными деятелями в религиозных терминах, вписывались в религиозный дискурс. Большое значение в связи с этим приобрела фигура выдающегося деятеля русской церкви – митрополита Петра, который, будучи галичанином по рождению, являлся ближайшим сотрудником Ивана Калиты и стоял таким образом у истоков московского великодержавия. Фигура митрополита Петра позволяла связать вступление русских войск в Галицию с риторикой «собирания русских земель» – вековой миссии Рюриковичей и Романовых, победоносно завершившейся в царствование Николая II¹⁷.

австрийцев (Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С.250; Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т.I. С.181). Представляется, что большинство галичан занимало в вероисповедном вопросе выжидательную позицию, опасаясь австрийских репрессий и находясь под давлением польских элит, сохранивших свое влияние и под русской оккупацией.

¹⁵ Мнения и отзывы // ЦВ. 1915. №25. Стб.774.

¹⁶ И.П. Истинный смысл Гусова учения. Стб.794.

¹⁷ Символическое значение в этом плане имело посещение Николаем II Львова в апреле 1915 г. «Вы первый, – говорил, обращаясь к императору, в своей приветственной речи

Провиденциальный смысл придавался тому обстоятельству, что одна из первых побед русских войск в Галиции состоялась на реке Рате, в окрестностях местечка Равы-Русской – там, где, согласно житию, митрополит Петр родился, а позднее основал монастырь. Подчеркивая историческое единство «Державной» и «Подъяремной» Руси, Галицко-русское общество изготовило в дар Галиции ценную копию иконы Владимирской Богоматери, символически связывавшей Византию, Киев, Владимир и Москву (теперь в эту взаимосвязь включалась и Галиция)¹⁸.

Икона Св. Петра

Риторика этнокультурного, а теперь и государственного единства, таким образом, играла значительную роль при осмыслении церковными кругами событий, связанных с продвижением русских войск в Галицию. Однако в целом подход к этим событиям носил, как отмечалось, более сложный, «многослойный» характер, демонстрировавший отличие церковного сознания от светского.

Примером сложности, неоднозначности понимания событий в Галиции в церковных кругах может служить деятельность архиепископа (впоследствии митрополита) Антония (Храповицкого) – известного иерарха, возглавлявшего с 1902 по май 1914 г. Волынскую епархию, территориально граничившую с Галицией. Убежденный сторонник распространения православия в Галиции, Антоний регулярно встречался с галичанами-униатами, приходившими на поклонение в Почаевскую лавру, организовал подготовку православных священников для Галиции в духовно-учебных заведениях России, снабжал православные церкви Галиции богослужебными книгами и утварью. Вместе с тем его отношение к «закордонной Руси» носило достаточно сложный характер. Распространение православия в Галиции, полагал архиепископ, необхо-

архиепископ Евлогий (Георгиевский), – ступили на ту древнерусскую землю, вотчину древних русских князей – Романа и Данила, на которую не ступал ни один русский монарх. Из этой подъяремной, многострадальной Руси, откуда слышались вековые воздыхания и стоны, теперь несется к Вам восторженная осанна» (Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 248).

¹⁸ *Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества. С. 72–74.*

димо не только (может быть, и не столько) из национально-государственных соображений, сколько для того, чтобы сохранить искони присущую галичанам «душевную простоту», уберечь ее от разложения под воздействием «еретической» западной культуры. «Пожалеет галичан... – взывал Антоний к русскому обществу, – наших единокровных и по душе единоверных братьев, которые в продолжение нескольких столетий тщетно простирают свои руки к великой Российской державе, к Российской Церкви, прося принять их, обездоленных и обманутых, в материнские недра, пока чуждая еретическая, вернее языческая западная жизнь, западная культура не успела вытравить в них... возвышенного стремления духа к небу»¹⁹.

Посвятив митрополиту Петру в 1915 г. специальную проповедь, Антоний увидел в его решении связать свою судьбу с Москвой и князем Иваном Калитой не столько акт державной прозорливости, сколько проявление монашеского аскетизма: ведь Москва была тогда всего лишь «большой деревней», а Калита славился «скромностью, смирением, мудростью и христианскими добродетелями». Российская империя в годы войны выступает наследницей именно этих качеств Калиты, выдвигая их против «вражеской гордыни», «западного блеска и пышности». В данном контексте присоединение Галиции к России становилось спасением не только для галичан, но и в какой-то мере для их «старших братьев». Оно призвано было дать урок «той части русского образованного общества, которая забыла заветы предков и, возгордившись усвоением мнимой западной светской культуры, заразилась немецкими влияниями, ставя земные блага выше христианского служения меньшей братии, предпочитая поклонение разнузданным страстям православному требованию борьбы со страстями и пороками, столь разъедавшими так называемое "высшее общество"»²⁰. «Державная Русь», утверждал Антоний, сама должна была очиститься от обуревавших ее недостатков, прежде чем увенчивать себя лаврами «спасителя» и «освободителя». Подобный ход мыслей достаточно сложно вписывался в характерные для того времени стереотипы государственного национализма, он свидетельствовал о серьезной трансформации, которой подвергались в

¹⁹ Речь Антония при погребении А.С. Будиловича 15 декабря 1903 г. Цит. по: Никон (Рклицкий), епископ. *Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого*. Нью-Йорк, 1957. Т. II. С. 326.

²⁰ *Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества*. С. 74.

годы войны традиционные культурно-исторические идеологемы²¹. Не менее сложной была эволюция воззрений на послевоенную судьбу Константинополя (и в целом православного Востока), составлявшую, как отмечалось, еще один объект пристального внимания со стороны как светской, так и церковной общественности.

**МЕССИАНИЗМ
И КАНОНИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ:
КРИЗИС КОНЦЕПЦИИ
«ТРЕТЬЕГО РИМА»**

Казалось бы, самой подходящей и простой формулой для решения вопроса о послевоенной судьбе православного Востока было обращение к традиционной идеологеме «Моск-

ва – третий Рим». Действительно, в заявлениях с использованием данной идеологемы со стороны церковных и светских кругов в годы войны не было недостатка. «Во имя нравственной справедливости должны умолкнуть здесь... всякие греческие притязания, – заявлял публицист «Церковного вестника» относительно претензий греков на обладание Константинополем после войны. – Начала высшей справедливости были бы грубо нарушены, если бы город Константина, ключ к южному морю и символ победы христианского человечества над мусульманским, попал в руки не тех, кто купил своей кровью эту победу». «Кровное родство, – утверждал публицист, – дает меньше прав, чем кровные жертвы... История завещала древнюю столицу восточного христианства великому восточному христианскому народу»²².

²¹ Следует отметить, что Антоний, несмотря на репутацию убежденного «борца за русское дело», довольно скептически относился к этническому национализму как таковому, подчас бичуя его с изрядной долей эпатажа («всякое домашнее животное свой хлев считает выше других»). Традиционные сословно-династические империи были в чем-то ближе Антонию, чем «современные» государства, основанные на принципе этнического национализма, даже если эти империи на международной арене были врагами России. По словам епископа Никона (Рклицкого), посвящая православных галичан в священники, Антоний обязательно приводил их к присяге на верность императору Францу-Иосифу. После революции Антоний с ностальгией вспоминал времена Османской империи, сравнивая их с послевоенным состоянием «нравственной и религиозной анархии, когда различные племена объединены почти исключительно во враждебном отношении... друг к другу» (Антоний (Храповицкий), митрополит. Вселенская, или Греческая, или Российская, или Арабская? // Религии мира. 2002. С.199, 211; Никон (Рклицкий), епископ. Указ. соч. С.237).

²² Близок час. Стб.262.

Идеи, сходные с риторикой «Церковного вестника», звучали в докладе видного функционера Палестинского общества П.И.Ряжского, управляющего русскими учреждениями в Святой земле. Доклад, посвященный восстановлению деятельности Палестинского общества после войны, был подготовлен в феврале 1915 г. «Младшему по чести, православному патриаршему престолу "Третьего Рима", – писал Ряжский, предвидя восстановление канонического устройства церкви в послевоенной России, придется, может быть, сказать веское и решительное слово относительно устройства всей вообще Вселенской Церкви». «Всемирное значение Византии безвозвратно пало, и нет надежды на воскресение его современными панэллинистами с их узко-националистическими стремлениями и идеалами». Выражением ведущей роли России на православном Востоке должна была стать, по мнению Ряжского, передача ей права покровительства всем православным церковным учреждениям Палестины независимо от их национальной принадлежности, подобно тому, как Франция покровительствует католическим учреждениям всех наций. Мысленному взору активиста Палестинского общества рисовался «союз всех православных народов, руководимых Россией», а русская церковь приобретала черты наднационального религиозного центра, способного соперничать с католическим универсализмом²³. Однако долго оставаться на подобной точке зрения православная церковная мысль, разумеется, не могла.

Прежде всего, было очевидно, что, несмотря на заметное укрепление позиций России в Святой земле в конце XIX – начале XX в., достигнутое в немалой степени и благодаря деятельности Палестинского общества, русская церковь и общественные организации не имели необходимых канонических оснований для того, чтобы заменить собой греков в Палестине. Недоставало им и многовекового практического опыта, который был у местного греческого духовенства. Поэтому, выступая за преобладание России на высшем, «политическом» уровне, в практической сфере Ряжский выдвигал значительно более скромные требования: он предлагал лишь допустить представителей России и других славянских народов в состав так называемого Святогробского братства, ведавшего христианскими святынями Палестины. Сделать это, по словам Ряжского, следовало, не увлекаясь ни грекофильством, ни арабофильством, ни желанием поглотить «Матерь всех Церквей» в православном

²³ Цит. по: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С.376, 370–371.

славянском море, а руководствуясь «единственно высшими интересами вселенского православия»²⁴.

Еще меньше оснований, чем в Палестине, было у русских церковных учреждений для того, чтобы пытаться «заместить» греков в центре вселенского православия – Константинополе. Русским церковным публицистам это стало ясно вскоре после того, как развеялась первая эйфория, связанная с обсуждением вопроса о возможном переходе Константинополя под власть России. «Церковный вестник», еще в начале 1915 г. отстаивавший безоговорочное право России на владение «Царьградом», уже в мае этого года вынужден был признать следующее. Да, экономические и стратегические факторы – за присоединение к России бывшей столицы василевсов, «но что касается исторических и нравственных побуждений, то самые факты должны обращать русское общественное мнение только к грекам, как исключительно из всех прочих народов имеющим право на Константинополь». Теория «Москва – третий Рим», отмечал публицист, не может служить путеводной нитью при решении вопроса о «Царьграде». Она исходила из ложного представления о том, что православие на Востоке погибло, однако на самом деле греки продолжали хранить его и под турецким игом²⁵.

Каноническое учение о константинопольском патриархе как о первом по чести на православном Востоке, подчеркивал профессор И.И.Соколов, составляет одну из основ административно-правового устройства православной церкви, и без учета этого фактора будет невозможно никакое церковно-административное устройство в послевоенный период. Не следует, настаивал Соколов, придавать преувеличенное значение обвинениям в эгоизме, коррупции и интригах, выдвигавшимся в адрес греческого руководства восточных патриархатов. Подобные обвинения во многом вдохновлялись националистическими настроениями паствы восточных патриархатов (славян, румын и арабов), а также искусно инспирировались иноверцами – католиками и протестантами. «Пора восстановить справедливость, – заявлял Соколов, – и понять, что недостатки и злоупотребления греческого духовенства преувеличены врагами Православия в высшей степени... При свете же беспристрастных исторических данных не нападок и обвинений заслуживает Все-

²⁴ Цит. по: Там же. С.376. 377. – Арабы составляли основную часть паствы в Иерусалимском и Антиохийском патриархатах, иерархия которых в течение долгого времени была почти исключительно греческой.

²⁵ Судьба Константинополя // ЦВ. 1915. №20. Стб.648.

ленская Патриархия... а изумления перед самоотверженным подвигом несения тяжелого креста, возложенного на нее по неисповедимым судьбам Промысла»²⁶. В подобной ситуации вставал вопрос о том, как совместить распространенную в русском общественном сознании мифологему о России как наследнице Византии с каноническими нормами православия и преобладанием (если не господством) греческого элемента в руководстве восточных патриархатов. На решение этой задачи был направлен ряд проектов, разработанных публицистами, учеными, иерархами русской церкви. К их числу относится цитировавшийся выше доклад И.И.Соколова и материалы, подготовленные архиепископом Антонием (Храповицким).

В рамках проекта, предложенного Соколовым, идеологема «преемства», основанного на принципе *translatio imperii* («переноса империи»), вытеснялась попыткой допустить существование двух «равночестных» патриархов в рамках Российского государства. Бывшей столице василевсов, подчеркивал Соколов, суждено войти после войны в состав России, однако «константинопольский патриарший престол должен быть сохранен в своем подлинном значении». Его статус «должен совпадать с византийским характером Вселенского патриаршества и фактически должен выражаться в правах и обязанностях Вселенского Патриарха, принадлежавших ему в период самостоятельного существования Великой Христовой Церкви под властью византийских василевсов». Предстоит, указывал профессор, «восстановить полноценность духовно-иерархических полномочий, которыми константинопольский Патриарх владел до падения Константинополя, в период наивысшего развития церковного византизма, и установить то отношение к государственной власти, которое оправдывается церковными канонами и положением Патриарха в православной державе, перед лицом православного царя». «Весь церковно-административный уклад на православном Востоке, – еще раз подчеркивал Соколов, – предполагает существование и Святейшего Патриаршего Престола Константинополя, которому принадлежит первенство наряду с тремя другими равночестными ему патриаршими престолами – Александрии, Антиохии и Иерусалима»²⁷.

Для того, чтобы урегулировать непростую каноническую ситуацию, возникающую с включением в состав России Константинопольского патриархата, Соколов выдвигал ряд предложений. Прежде всего, как

²⁶ Соколов И.И. Указ. соч. С.170.

²⁷ Там же. С.171–172.

отмечалось выше, требовалось восстановить каноническое устройство русской церкви с провозглашением патриарха российского (петроградского) «вторым по чести» после константинопольского. Далее, предстояло «урезать» каноническую территорию Вселенского патриархата, ограничив ее внутренними малоазийскими епархиями – землями, которые после войны все же остались бы под властью Турции (причерноморские малоазийские епархии должны были войти в состав русской церкви). Предполагалось также упразднить Народный совет при патриархе, служивший органом представительства интересов зажиточной греческой верхушки. Уязвимость подобных предложений была очевидна. Сомнительно, чтобы в одном государстве смогли ужиться два «главных» патриарха: один – «первочестный» канонически, другой (петроградский) – обладающий реальной властью. Вряд ли патриарх константинопольский, формально возвышенный до «византийского» статуса, согласился бы с утерей значительной части подвластных ему епархий и ограничением его реальных полномочий. Да и послевоенная Турция наверняка не смирилась бы с распространением на свою территорию духовной власти иерарха, находящегося под влиянием чужого (и враждебного) государства. Изъяны проекта Соколова, видимо, были заметны уже современникам²⁸. В связи с этим представляется особенно интересным проанализировать проекты устройства судьбы православного Востока, выдвинутые архиепископом (впоследствии митрополитом) Антонием (Храповицким).

РУСЬ В ИЕРУСАЛИМЕ

Антонию, как стороннику христианского универсализма, была ясна нежизнеспособность любых компромиссов между мифологемами, основанными на концепции «Моск-

ва – третий Рим», и каноническим статусом Вселенской патриархии. В связи с этим он последовательно выступал против включения Константинополя в состав Российской империи и, как следствие, утверждения политической зависимости Вселенского патриарха от русской государственной власти²⁹. Требования этнического и государственного нацио-

²⁸ О невозможности сосуществования в одном государстве двух «первочестных» патриархов писали современники Соколова – канонисты Н.С.Суворов и П.В.Гидулянов (См.: Лисовой Н.Н. Русская церковь и патриархаты Востока... С.147).

²⁹ Много лет спустя после окончания войны Антоний утверждал, что в 1914–1915 гг. не

нализма, заявлял архиерей, должны умолкнуть перед лицом многовековых церковных традиций. «Чьи мы служители? Церкви! Да, Вселенской Христовой Церкви, веру в которую исповедуем ежедневно!» – восклицал в 1915 г. Антоний (в то время архиепископ Харьковский) на страницах епархиального журнала «Пастырь и паства», озвучивая позицию, только что заявленную им на заседании Синода. «Напрасно заговорили у нас о какой-то национальной русской церкви; таковой не существует». Все богослужебные и канонические порядки, которыми руководствуется православный христианин в своей жизни, подчеркивал Антоний, заимствованы в России из книг, переведенных с греческого и древнееврейского языков. Да и традиционный русский уклад, «настоящая русская бытовая приходская и монастырская жизнь, а не петербургская, не

Антоний Храповицкий

полуфранцузская, не немецкая – что они собой представляют, как не полное подчинение всего нашего быта заповедям и преданиям древнего вселенского христианства?»³⁰

В контексте подобных воззрений единственным выходом из политико-правовой коллизии, которая неизбежно должна была возникнуть после изгнания турок из Константинополя, являлось восстановление Византийской империи. Россия, предрекал

только отстаивал независимость Вселенского патриарха от любой государственной власти, но даже требовал подчинить ему российский Святейший Синод (Антоний (Храповицкий), митрополит. Вселенская, или Греческая, или Российская, или Арабская? С.209).

³⁰ Антоний (Храповицкий), архиепископ. Чей должен быть Константинополь? С.197–198. – Неудивительно, что, имея такие взгляды, Антоний после войны с удовольствием повторяет известное высказывание патриарха Никона: «Сам я русский, но вера моя греческая» (Антоний (Храповицкий), митрополит. Вселенская, или Греческая, или Российская, или Арабская? С.209). Воззрения Антония опирались на влиятельную тенденцию в церковной мысли России – «грекофильство», к которому принадлежали К.Н.Леонтьев, Т.И.Филиппов и др. (См.: Герд Л.А. Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С.145–149, 162–170).

Антоний, объединит «теперешнюю свободную Грецию с Цареградом под мирской властью самодержца-грека и под духовною властью Вселенского греческого Патриарха и тем отблагодарит эллинский народ за то, что он некогда освободил нас от рабства диаволу и вывел в свободу чад Божиих, соделав нас христианами». Результатом подобных действий станет возрождение международного значения Вселенской патриархии, отвечавшее универсалистским установкам Антония. А именно: Константинополь вновь будет «собою объединять славянский север, эллинский юг и сиро-арабский и грузинский восток, а также привлекать к возвращению в Церковь русских раскольников, болгарских отщепенцев, австрийских униатов и восточных еретиков-монофизитов разных наименований»³¹. Казалось бы, при таком подходе позиция России почти целиком должна была свестись к самопожертвованию и самоотречению, работе на благо вселенского православия и ощущению сугубо морального удовлетворения от того, что его интересы обеспечены наилучшим образом. Однако в записке Антония звучали и иные мотивы. В ней для России за ее труды и жертвы предусматривалась компенсация, причем такая, что превосходила по своей смелости и размаху, пожалуй, все идеологические конструкции, рождавшиеся в церковных и светских кругах в годы войны.

Присущее Антонию представление о глубокой религиозности русского народа, о безоговорочном предпочтении им «Отечества небесного» «Отечеству земному» заставляло иерарха верить в то, что важнейшим объектом духовных устремлений русских людей является центр не только православия, но и всего христианства – Палестина. «Говорить ли о том, – восклицал архиерей, – что самым родным, самым святым для себя местом на земном шаре русские люди считают "Мать Церквей, Божие жилище", т.е. Святый град Иерусалим?» Достойным воздаянием для России за тяготы войны представлялась в связи с этим передача ей Палестины, причем не в качестве эксклава, условного и временного протектората, а путем непосредственного присоединения к основной территории Российской империи – через широкий коридор, объединяющей Средиземноморье с Сирией и Юж-

³¹ Антоний (Храповицкий), архиепископ. *Чей должен быть Константинополь? С.200–201.* – Для обеспечения военно-стратегических интересов России в Причерноморье Антоний считал достаточным передать в ее владение зону черноморских проливов «подобно тому, как Англия владеет Гибралтаром».

ным Кавказом. Возрожденная Византия, вызванная к жизни усилиями России, станет ей верным союзником в решении данной задачи³².

В отличие от Соколова и Ряжского, также убежденных, что после войны Палестина перейдет под власть России, но полагавших, что власть эта будет осуществляться, так сказать, «на расстоянии»³³, Антоний был уверен, что Палестина в буквальном смысле слова станет «русской землей», составит единое тело с основным этническим массивом русского народа. Если Святая земля будет присоединена к России, заявлял архиерей, «то не пройдет и десяти лет, как вся Палестина и Сирия обратятся во Владимирскую или Харьковскую губернию. Народ наш так и ринется переселяться в страну, где жили наш Спаситель, Его Пречистая Мать, Апостолы, пророки и мученики. Там будет уже место для чисто русской культуры, для русской речи, для русской торговли и промышленности; в частности, две последние отрасли обильною лавою польются по Волге и Каспию через Кавказ к Средиземному морю и обратно»³⁴. Казалось, реализуется (но «в обратной проекции») давняя мечта патриарха Никона, который, как известно, пытался создать Новый Иерусалим в Подмосковье, перенося в окрестности реки Истры библейскую топонимику и символически воссоздавая здесь святыни Палестины. Однако, решив (пусть и на бумаге) проблему «Цареграда», Антоний неизбежно должен был столкнуться с вопросом: как отнесется к его проектам иерархия Иерусалимского и Антиохийского патриархатов, состоящая (как и в Константинополе) преимущественно из греков? Что заставит ее смириться с грядущим утверждением в Святой земле господства России – господства, которое в перспективе должно будет обернуться едва ли не полным ее обрусением? Запоздалым отзвуком исканий, посвященных ответу на этот вопрос, стала статья Антония (уже митрополита), написанная много лет спустя после завершения I мировой войны, когда давно ушла в прошлое Российская империя и окончательно рухнули надежды на восстановление Византии.

В 1932 году, в обстановке очередного обострения этнических противоречий между паствой и иерархией Иерусалимского патриархата, Ан-

³² Антоний (Храповицкий), архиепископ. *Чей должен быть Константинополь?* С.198–199. 202.

³³ Лисовой Н.Н. *Русское духовное и политическое присутствие...* С.370–371, 380–381; Соколов И.И. *Указ. соч.* С.184–192.

³⁴ Антоний (Храповицкий), архиепископ. *Чей должен быть Константинополь?* С.204.

тоний предложил избрать на иерусалимский престол русского архиерея, полагая, что этот шаг положит конец застарелой вражде между греками и православными арабами в Палестине. «Пора нам, т.е. всем православным христианам всех народностей, – писал митрополит, – убедиться в том, что путь к Божией истине заключается не в преобладании одной народности над другою, а просто в отрешенности от исключительных симпатий в ту или иную сторону, хотя бы и прикрываемых лживыми фразами о евангельской любви ко всем безразлично народностям». Обретя «наднациональный статус», Иерусалимский патриархат должен был взять на себя миссию мирового центра православного христианства, которая раньше предназначалась Константинополю (в силу его «Вселенского» титула), но которую он выполнить не смог. Из Иерусалима, заявлял Антоний, «должна быть возглашена вновь торжественная проповедь о покаянии и всеобщем единении во святой православной Церкви», в результате чего «печальные ереси, раздирающие христианский Восток, будут исчезать, "яко дым от лица огня"»³⁵.

Русская «народность», в представлении митрополита, считалась достойной выдвинуть кандидата на иерусалимский престол, поскольку была – «одна во всей вселенной – чужда богопротивного шовинизма и сохранила способность перевоплощаться в ту нацию, которой себя посвящает»³⁶. В данном случае, по справедливому замечанию Н.Н.Лисового, Антоний вдохновлялся «пушкинско-достоевской "всеотзывчивостью"», являвшейся одним из главных мотивов его богословских исканий и вобравшей в себя важнейшие тенденции развития русской религиозно-философской мысли³⁷. Ход мыслей митрополита как бы замыкал собой круг духовных исканий русского общества в период I мировой войны и послевоенные годы. Начав в первые месяцы войны с заявлений о том, что исторически присущая России склонность к самопожертвованию и служению другим народам позволит ей сыграть великую миссию на международной арене, русская общественная мысль в лице Антония приходила в 1932 году к выводу о том, что и после крушения Российской империи указанные качества дадут русской иерархии выполнить задачу примирения враждующих сил – пусть и в локальном масштабе.

³⁵ Антоний (Храповицкий), митрополит. *Вселенская, или Греческая, или Российская, или Арабская?* С.207, 211.

³⁶ Там же. С.209.

³⁷ Лисовой Н.Н. *Русская церковь и патриархаты Востока...* С.150–151.

Подводя итог, необходимо еще раз отметить, что I мировая война оказала глубокое влияние на трансформацию многих традиционных идеологем русского общественного сознания. Хотя процесс этой трансформации был оборван падением монархии и выходом России из войны, его изучение представляет несомненный научный интерес. В годы войны риторика кровного родства «Державной» и «Подъяремной Руси» (Галиции), необходимости освобождения «страдающих братьев» и государственного единства двух частей Руси была дополнена и скорректирована в выступлениях архиепископа Антония (Храповицкого), призвавшего русское общество учиться у «малых сих» (галичан) простоте, смирению, религиозности. Характерное для значительной части русского общества стремление победоносно утвердиться на берегах Босфора (в духе концепции «Москва – третий Рим») корректировалось сознанием необходимости учитывать канонические нормы и реалии жизни православного Востока. Это, в свою очередь, вело к выстраиванию более или менее причудливых идеологических конструкций (возрождение Византийской империи, создание центра влияния России в Палестине, обоснование особых прав России на православном Востоке исторически присущим ей отсутствием национального эгоизма и др.). Ни один из данных проектов, как известно, не «дожил» до практической реализации, но это не отменяет необходимости самого пристального внимания к ним со стороны историков. В модифицированном виде концепты, сформулированные в годы на рубеже веков и в годы I мировой войны, продолжали жить и развиваться на протяжении всего XX столетия. В той или иной форме они повлияли на сталинские планы создания «православного Ватикана» после II мировой войны, на возобновление духовного присутствия Русской православной церкви в Палестине³⁸. Не теряют они актуальности и в наши дни, когда, после распада СССР, международная деятельность Русской православной церкви приобрела особое значение.

³⁸ Во второй половине 1940-х гг. руководство СССР, как известно, прилагало активные усилия к укреплению позиций Русской церкви в православном мире. Планировался, в частности, созыв Вселенского (православного) собора в Москве с целью присвоения Московской патриархии титула Вселенской. При поддержке советского правительства в 1948 г. Московская патриархия учредила в Иерусалиме свою Духовную миссию, возобновив таким образом деятельность одноименного дореволюционного учреждения. См.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие... С. 390–408.

Русская миссия